

7 (45)

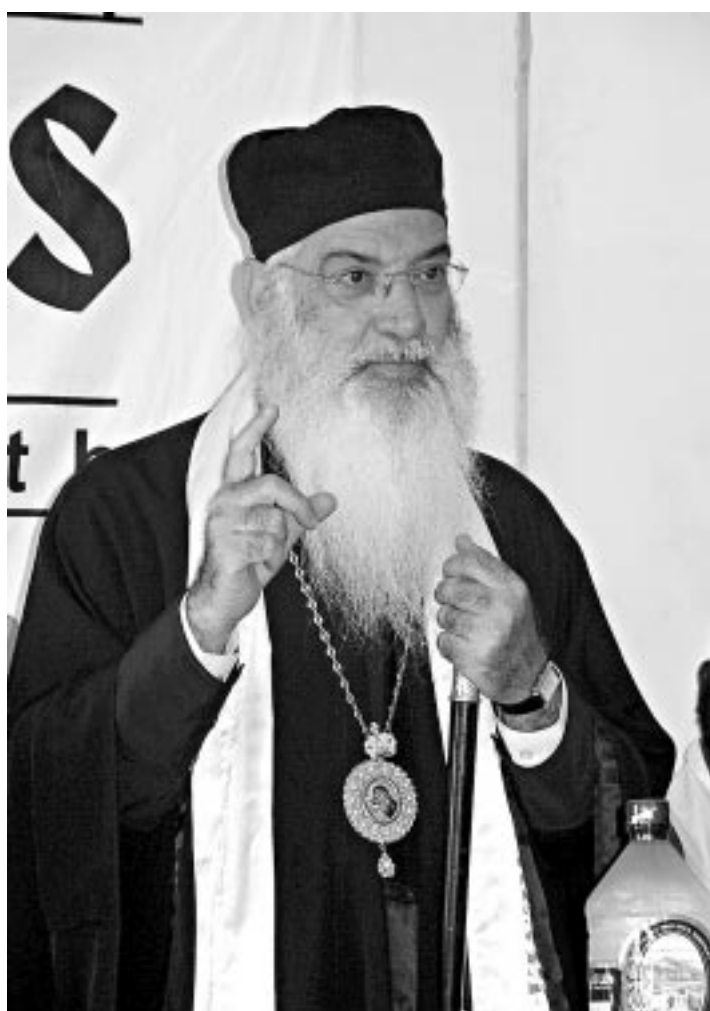
ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕННОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

АПРЕЛЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

ПРАВОСЛАВИЕ В АФРИКЕ

Интервью Макария, архиепископа Кенийского и Иринопольского
(Александрийский патриархат)¹

Ки́фа: Владыка, как в самом сердце Африки появилось православие?

Архиепископ Макарий: Православие в Африке берет свое начало в сошествии огненных языков Святого Духа на учеников Христа, спустя пятьдесят дней после Его Воскресения. Затем двенадцать апостолов понесли Благоую Весть всем народам. Святой Евангелист Марк основал церковь в Александрии (Египет). В течение длительного времени Александрия была духовным центром Православия, там разместилась кафедра патриарха Александрийского и всей Африки. Там же была создана великая Александрийская школа, ставшая домом для великих святых Древней церкви, положивших начало выдающимся трудам отцов церкви; иерархов и богословов, таких как патриархи Кирилл и Иоанн, Ориген, Афанасий Великий, Анастасий. Св. Антонием Великим и другими отцами пустыни — св. Пахомием, св. Макарием, — в Египте было основано монашество. Африканская церковь дала много мучеников за Христа, а св. Екатерина Синайская и св. Евгения, и некогда великая грешница преп. Мария Египетская явили прекрасные образцы покаяния. Средоточием служения Древней церкви были богословие, благочестие и миссия.

С проповеди св. Фрументия в Эфиопии началась постепенная православная христианизация Африки. В ходе этого процесса, патриархат основывал епархии на всем континенте. Многие из них учреждались прежде всего для иммигрантских общин. Греки из Греции и с Кипра, русские, финны, американцы и австралийцы, как клирики (духовенство), так и лаики (миряне), оказали значительную финансовую помощь и приняли непосредственное участие в строительстве храмов.

Лаики-африканцы, некоторые бывшие представители духовенства других христианских церквей, видя красоту и богатые традиции православия, заинтересовались вступлени-

ем в православную церковь. Архимандрит Никодим (Сарикас) был одним из главных наставников, научивших жителей Африки православию. Отец Никодим крестил первых православных африканцев в Моши, в Танзании в 1925 году. Другим ведущим миссионером стал Николай (Абдалла), митрополит Аксумский, посетивший Восточную Африку в 1942 г., с целью изучения интереса местных жителей к православию. Митрополит Абдалла поддержал африканцев на избранном ими пути и передал всю собранную им информацию патриарху Христофору.

15 ноября 1943 года Ребейн Мукаса Спартас и Артур Джордж Гатуна подписали первый устав Африканской православной церкви. В 1945 году четыре кандидата из Уганды были посланы на обучение в Александрию. В 1946 году в ходе первого визита Мукасы Спартаса в Александрию патриархом Христофором и священным синодом было объявлено о признании устава и принятии Африканской греко-православной церкви в патриархат Александрии и всей Африки.

В 1952-59 гг. движение Мау Мау² было запрещено колониальной властью Великобритании. В Кении колониальное правительство запретило православную церковь. Однако в Уганде православная церковь была официально признана колониальными властями. 13 декабря 1956 года православная церковь Кении также была официально признана. В 1958 году указом патриарха и синода в Африке были утверждены три новых архиепископии: Центральноафриканская (Конго), Восточноафриканская (Кения, Танзания и Уганда) и Западноафриканская (Камерун, Нигерия, Гана и др.).

В 1961 году в Уганде митрополитом Николаем была освящена первая православная церковь. В 1963 году в Танзании впервые африканцем был основан приход. В 1966 г. в Вайтаке, Кения, учреждена Ассоциация православной молодежи Кении (ОСЯК).

Стремительное распространение православия в Восточной Африке привело к разделению первоначальной Иринопольской архиепископии (Восточная Африка) на митрополии Дар-эс-Салама (Танзания), Кампалы (Уганда) и Кении и основанию епархии Букоба (Западная Танзания). В 1981 году Православная патриаршая церковная школа Макария III Кипрского открыла двери для желающих получить катехетическое и богословское образование. Изначально в школе обучались только учащиеся из Восточноафриканской митрополии, однако затем студенты начали приезжать со всего африканского континента. Патриаршая школа готовит кандидатов для рукоположения. Сначала зачисляли тех, кто имел хотя бы начальное и неполное среднее образование, но сейчас минимумом является нулевой уровень (законченное среднее образование с минимальной отметкой «удовлетворительно»).

Ки́фа: В чем состоит уникальный вклад миссионерской работы в Африке в XX веке в духовную жизнь Православной Церкви в целом?

Архиепископ Макарий: Все благословения от Господа — через тех, кого Он избирает служить Ему. Сила православия Африканской церкви исходит от глубокого и искреннего отношения африканцев к Творцу. Миссионеры усердно служили орудиями в руках Господа, совершенствуя и оберегая православный образ христианской веры. Некоторые, как и Ваш покорный слуга, поначалу были миссионерами-лаиками. Прибыв с Кипра, я участвовал в создании Православной патриаршей школы Макариоса III Кипрского, по сути дела, представляя покойного Макариоса III³, который при-

¹ Высокопреосвященный Макарий, архиепископ Кенийский и Иринопольский (в миру доктор Андреас Типпиридес) (прим. ред.)

² Движение Мау Мау — партизанское освободительное движение Кении, боровшееся против британского колониализма, пользовалось сочувствием православных кенийцев (прим. ред.)

³ Блаженный Макарий (Макариос) III (в миру Михаил Мускос) (1913 — 1977гг.), архиепископ Новой Юстинианы и всего Кипра (1950 — 1977), национальный герой и первый президент Кипра, поддерживал освободительную борьбу Кении против британского колониализма (Прим. ред.)

Продолжение на с. 2

В номере:

Путь
к общему языку

28-29 марта в помещении философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета прошла конференция «Религиоведение как междисциплинарная наука». Мы публикуем прочитанный на ней доклад профессора СФИ, зав. кафедрой философии и гуманитарных дисциплин Г.Б. Гутнера

с. 4-5

Церковное возрождение
на оккупированных
немцами территориях
— миф или реальность?

В Российской академии государственной службы выпускником СФИ К.П. Обозным защищена диссертация о Псковской миссии

с. 6

Дети соприкасаются
со всеми нами, а не
только с педагогами

Наши читатели продолжают разговор о работе с детьми

с. 7

Планирование семьи
— демографическая
проблема?

Письмо приглашает к общему обсуждению острой темы

с. 7

Не делать ничего — это
тоже в некотором роде
волевое решение

Тему перевода богослужебных текстов продолжает интервью Владимира Ковальджи

с. 8

В Миссионерском
приложении
«Открытая
встреча» —

ответы на вопросы и встреча с известным пианистом Генрихом Нейгаузом

ПРАВОСЛАВИЕ В АФРИКЕ

Продолжение. Начало на с. 1

ложил свою веру, пожертвовал много сил и времени для того, чтобы этот богословский центр начал действовать. Затем я служил ректором Школы. После рукоположения в священники и продвижения по ступеням иерархии, будучи епископом, а затем митрополитом (архиепископом) я нес административную ответственность наравне с духовной. Можно сказать, что миссионеры, как клирики, так и лаики были движущей силой, помогавшей местному православию возрастать духовно и физически на Православном пути через образование, здравоохранение, а также братолюбивую диаконию. Эти миссионеры прибывали из Греции, Кипра, Финляндии, Америки и Австралии. Каждый такой миссионер, как клирик, так и лаик, внес свой вклад в соответствии с дарованными ему (ей) Господом талантами.

Кифа: *Православные богослужения переведены на 11 (или более) племенных языков Кении и эта работа продолжается. Кто занимался и занимается переводами богослужебных текстов для кенийских верующих? Как эти переводы создаются?*

Архиепископ Макарий: Православное богослужение и другие молитвы переведены и изданы на более чем двадцати языках не только Восточной Африки, но и всего континента.

Кроме того, была переведена и издана и другая духовная литература. Местные жители сыграли важную роль в составлении транскрипций своих диалектов. Некоторые переводы были сделаны непосредственно с греческого языка на местные наречия африканцами, обучавшимися за границей, особенно в Греции. В начале переводчиками были в основном представители первого поколения священников. Эти священники, мало говорившие по-английски, переводили богослужение на свои племенные языки, но их переводы почти не издавались из-за большого количества ошибок. Тем не менее, эти ранние попытки были необычайно важны как отправные пункты для более качественных переводов. Миссионеры стали руководить переводческой работой семинаристов, и переводы значительно улучшились. Старшему поколению духовенства зачастую не хватало образования и знания английского языка, поэтому успех нынешних изданий обеспечило руководство переводческой деятельностью со стороны миссионеров. Первые публикации вышли в Греции и на Кипре, но их тираж был ограничен и время доставки довольно продолжительно. В настоящее время, хотя большая часть переводов печатается за рубежом, в Найроби (Кения) в церковном управлении создается типография. Проблема финансирования всегда оставалась камнем преткновения, но Господь послал нам щедрых жертвователей.

Кифа: *Каким образом в Православной Церкви Кении происходит воцерковление (как люди становятся полными членами церкви)?*

Архиепископ Макарий: На протяжении всей истории церкви единственным путем для того, чтобы стать полным членом церкви, остается Крещение, это правило действует и в Африке. Поскольку православие уже утвердилось в Восточной Африке, большинство православных принимают крещение в раннем возрасте. Например, у одного священника-африканца в семье уже пять поколений православных, его бабушка крестилась в юности еще у покойного митрополита Николая (Абдалла) Аксумского. Православие зачастую является семейной религией. Взрослые люди, желающие вступить в Православную Церковь, должны быть утруждены катехетическим научением, т.е. пройти катехетическое просвещение. Конечно, двери православных церквей открыты и перед простыми посетителями и их всегда ждут по принципу: «приди и посмотри». Святые же таинства доступны только православным христианам, прошедшим полное Крещение и Миропомазание.

Большое внимание уделяется образованию как средству развития православной церкви в Африке, в частности, в архиепископии Кении. Это внимание к светскому и церковному образованию способствует успехам Кенийской церкви, к которой принадлежат 152 священника, служащих в более чем 300 приходах и миссионерских центрах. Около тридцати лет назад, из-за недостатка образования, было очень мало священников. Сегодня все православное духовенство имеет как минимум оконченную среднюю школу, плюс три года богословского образования в Православной патриаршей церковной школе Макариоса III Кипрского. Ее выпускники имеют степень бакалавра богословия.

По окончании Патриаршей школы многие представители духовенства продолжают свое образование. Мы заинтересованы и способствуем расширению духовного образования через строительство школ, финансирование образования молодежи, организацию

образовательных курсов для православных катехизаторов. Кроме того, православный педагогический колледж св. Климента Александрийского по окончании курса обучения выдает дипломы и сертификаты, приравняемые к соответствующим документам Университета Найроби. Поместная церковь готовит преподавателей для воскресных и молодежных школ, предлагая людям уже имеющим светское образование, двухлетние курсы, по окончании которых выдается соответствующий диплом. Основание школы медицинских сестер способствовало развитию образования и в области медицины.

Активная молодежь через Ассоциацию православной молодежи Кении участвует в многочисленных, регулярно проводимых семинарах, посвященных вопросам православной жизни и аскетике. Кроме того, семинары с образовательными целями проводятся и при поддержке Союза матерей.

Кифа: *Существует ли система катехизации?*

Архиепископ Макарий: Существует тщательно проработанная местная система катехизации. Эта система осуществляется под руководством православных преподавателей и богословов и имеет хорошо продуманные программу и материалы. Программа подготовлена африканскими богословами, которые учились в Греции, Румынии и Соединенных Штатах Америки.

В Найроби и в провинции проводятся серии семинаров: для Союза матерей (православные женщины), Союза отцов (миряне /лаики), Ассоциации матушек (жены священников) и молодежи, так же как и для местных епархиальных комитетов (духовенство).

Кифа: *Каким образом создаются православные общины? Как определяют (выбираются) кандидаты в духовенство? Каковы важнейшие требования, предъявляемые к этим людям?*

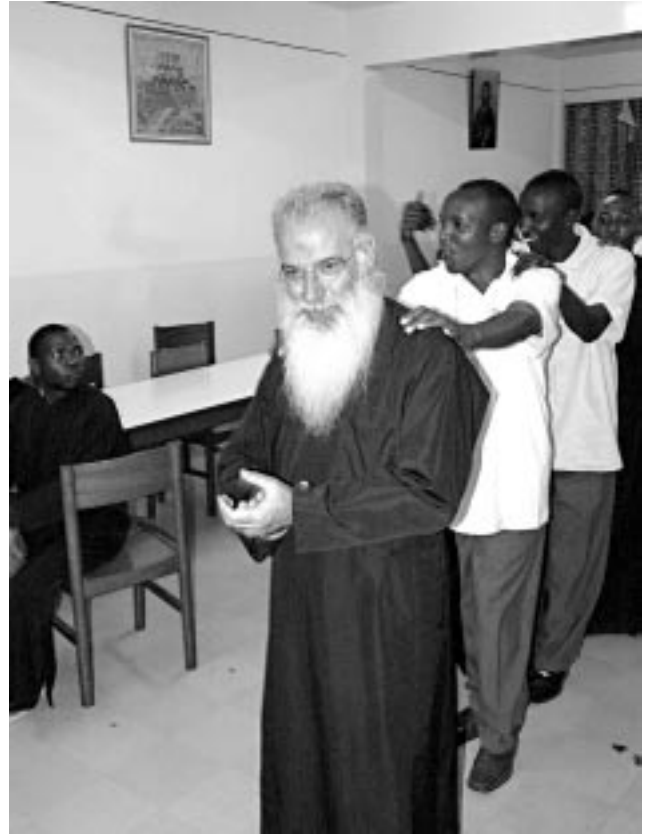
Архиепископ Макарий: Православные приходы и миссионерские центры имеют системы религиозного образования сходные с Ассоциацией православной молодежи Кении и другими организациями. Архиепископия поделена на епархиальные комитеты, которые являются региональными объединениями духовенства. В настоящее время существует 14 епархиальных комитетов. Эти комитеты представляют собой собрание клириков без епископов. Местное духовенство регулярно собирается для обсуждения и решения проблем и планирования мероприятий. Отдельные приходы представляют приходские священники. Таким образом, уровень прихода мы можем назвать «корневым» (массовым уровнем); комитеты — это промежуточный уровень; и высший — Совет митрополии, который является совещательным органом при архиепископе.

Кандидаты на рукоположение должны пройти определенные архиепископом процедуры. Время от времени эти процедуры приводятся в соответствие с уровнем образования и требованиями времени. Каждый кандидат должен подать официальное заявление в Патриаршую школу. К заявлению прилагаются копии некоторых документов, а также рекомендации от его приходского священника и местной епархии или одного из духовников. Кандидат должен быть крещеным православным христианином, иметь оценку «удовлетворительно», или выше, на нулевом уровне общего образования. От кандидата требуется знание английского языка (английский и суахили являются национальными языками Кении). Также принимаются кандидаты из франкоговорящих стран, знающие французский язык, однако и они должны владеть английским. Английский — язык преподавания в Школе, за исключением уроков греческого языка, который является обязательной составляющей курса богословия. Женатые и неженатые мужчины имеют равные возможности при зачислении.

В настоящее время архиепископ рукополагает только тех, кто успешно завершил трехлетний курс обучения в Патриаршей Школе. Архиепископ лично беседует с абитуриентами Школы и с кандидатами на рукоположение прежде, чем сделать свой выбор. Духовник архиепископии должен подписать соответствующее письмо — свидетельство о том, что кандидат достоин рукоположения. Кандидат может быть женатым (согласно канонам) или дать обет безбрачия. В последнем случае на то, чтобы церковь убедилась в решимости священника, уходит большее время. Духовные устремления и характер кандидата становятся предметом глубокого размышления. Архиепископ также должен принимать во внимание нужды прихода и его финансовые возможности для содержания духовенства.

Кифа: *С какими проблемами сталкивается сегодня православная церковь в Кении?*

Архиепископ Макарий: Нужд и проблем у православной церкви в Кении так же много, как песчинок на дне морском. Тем не менее, Сила Господа велика, и

с некоторыми нуждами мы справляемся. Двадцать лет назад почти все церкви были построены из глины, а листовым металлом крыши были покрыты только там, где прихожанам удалось найти средства на его покупку. Некоторые церкви в то время были покрыты соломой, и многие собрания служили свхаристию под деревьями или между большими валунами. Глиняные строения были, затем заменены каменными или кирпичными церквями, построенными в греко-православном стиле, с крышами из оцинкованного металла или черепицы. Первые церкви были небольшими и в праздничные дни были переполнены. В качестве ладана для каждения обычно использовалась смола местных деревьев с углями из костра и молодая древесина, в кадильницах, нередко сделанных довольно грубо.

Иконы были, как правило, бумажными, их со временем разбавляли насекомые. Сейчас есть несколько хороших икон и даже есть пара квалифицированных иконописцев. Поначалу приходилось обходиться поддержанными облачениями, привозившимися из других стран. Сейчас есть несколько местных портных, мужчин и женщин, достаточно умелых, чтобы самим шить облачения.

Двадцать лет назад священников было очень мало, и им ничего не платили. Сейчас все представители духовенства получают ежемесячное жалование, хотя и небольшое, но регулярное. Кенийская Церковь еще не развила прибыльное производство достаточное для удовлетворения своих нужд, поэтому финансовая помощь ей очень важна. Пожертвования православных христиан всего мира вносят действенный вклад в решение финансовых проблем местных общин.

Африка, включая Кению, столкнулась с катастрофой повсеместного распространения ВИЧ-СПИДа. Наша православная церковь, будучи бедной, ведет углубленную разъяснительную работу, чтобы донести до людей всю серьезность ВИЧ-СПИДа, чтобы изменить поведение и отношение к инфицированным и предрасположенным к этим заболеваниям. Число сирот и страдающих людей неуклонно растет. Наши здравоохранительные программы ограничены нашими скудными ресурсами. 27 марта в Масаи открылся наш первый Благотворительный Центр Консультаций и Исследований. Мы помогаем многим людям получить медицинскую помощь, но этого недостаточно, и у нас пока нет возможности обеспечить профилактическую терапию. Мы не можем снабжать население большей части территории страны медикаментами. У нас имеются средства на здравоохранение, но их недостаточно, чтобы удовлетворить медицинские нужды страдающих людей.

Черед засушливых лет истощила местные ресурсы и привела к голоду. Архиепископия оказывает продовольственную помощь, как, например, 26 марта этого года восемь сиротских приютов получили необходимые продукты питания и одежду, но наш вклад слишком мал по сравнению с нуждами людей.

Мы продвинулись далеко вперед в области образования. Православный педагогический колледж св. Климента Александрийского за три года обучил

Продолжение на с. 8

В ИЗДАТЕЛЬСКОМ СОВЕТЕ РПЦ ПРОШЛА ДИСКУССИЯ ОБ ИЗДАННЫХ НЕДАВНО «ДНЕВНИКАХ» О. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

Дискуссия об опубликованных недавно «Дневниках» протопресвитера Александра Шмемана состоялась 27 марта в Издательском совете Русской Православной Церкви. Инициатором обсуждения стал ответственный редактор газеты «Церковный вестник» Сергей Чапнин, который пригласил на круглый стол ректора Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) протоиерея Владимира Воробьева, известного церковного историка, сотрудника Синодальной комиссии по канонизации протоиерея Георгия Митрофанова, главного редактора радиостанции «Град Петров» (Санкт-Петербург) протоиерея Александра Степанова и сотрудника Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре игумена Петра (Мещеринова). Немногочисленность участников обсуждения объясняется, по словам организатора, желанием сделать первый шаг, «задать вектор» будущей широкой церковно-общественной дискуссии о дневниках Шмемана, попытаться разглядеть в размышлениях известного православного богослова XX в. «положительную программу» для церковной жизни в современном мире.

Обсуждение начал о. Георгий Митрофанов, который считает публикацию дневников «событием очень значимым». По его мнению, в дневнике поднимаются столь насущные проблемы, «в такой кричащей остроте», что восприятие этой книги может стать своеобразным «тестом» для нашей церковной жизни — тестом на способность к духовному творчеству. В размышлениях о. Александра о. Георгий выделил несколько таких проблем. В первую очередь — это «неисторизм» современной церковной жизни: по мысли автора дневников, «православие не замесило истории», что привело к «глубинному духовному кризису», который проявляется в отсутствии самокритичного взгляда, в чрезмерном сосредоточении на внешнем, на форме, обряде, что обобщенно о. Александр называет «бабье благочестие, пропитанное умилением и суевием». В современной приходской жизни, комментирует о. Георгий, зачастую «Христос не требуется», а нужен «комплекс мер психотерапевтического характера, реестр святых, напоминающий список врачей-специалистов в поликлинике», т.е. становится нужен не Христос, а «религиозная жизнь, растворенная в религиозной чувственности», что «возвращает нас в языческое измерение».

По мнению о. Георгия, для современной церковной жизни весьма актуально многое, отмеченное в дневниках Шмемана: это и проблемы духовной школы с ее «конфликтом между схоластичностью образования и духовной жизнью», и утрата литургического измерения эсхатологии, которая нередко сводится к «популярным страшилкам». Особое беспокойство вызывает то, что Шмеман формулирует как «сдача православия национализму в его худшей, языческой форме и якобинской государственно-авторитарной сущности». Действительно, подтверждает о. Георгий, для многих православие стало «разновидностью оккультно-эзотерическо-евразийской идеологии». А что касается церковно-государственных отношений, то здесь тоже кроется большая опасность: многие клирики более заняты «выстраиванием отношений с сильными мира сего (спонсорами, чиновниками)», чем со своими прихожанами, тогда как именно церковная община созидает Церковь. К сожалению, констатирует о. Георгий, эти проблемы не становятся предметом обсуждения приходских и епархиальных собраний, поэтому дневник о. Александра Шмемана может выполнять функцию «духовного наставника для многих практикующих священников».

О. Александр Шмеман был «выдающимся человеком, замечательным священником с большой буквы, значительной фигурой в православии XX в.», считает о. Владимир Воробьев, поэтому свои студентам и прихожанам он всегда советует читать его сочинения. Издание дневников Шмемана — «большая радость для нас, и надо их обсуждать». По мнению о. Владимира, каждая строчка дневников затрагивает «глубинные струны», он говорит о вечных проблемах Церкви, переживая их в своей американской действительности, поэтому надо учитывать специфику восприятия о. Александра: он никогда в России не был, и не все в его сочинениях «адекватно, созвучно нашему опыту, не все, что он говорит, можно так прямо интерпретировать для нашей жизни».

О. Александр Степанов по прочтении дневников увидел, что основная их тема — христианство в современном мире, которое в XX в. «утратило цельность мироощущения, стало отдельной сферой жизни». По мнению о. Александра Степанова, главное достижение о. Александра Шмемана состоит в попытках «воцерковить», вычленив в этом мире, в обычной жизни то, что причастно Царству», увидеть «осколки Царства» всюду — в природе, в простых человеческих переживаниях, в книгах светских авторов, где живая жизнь в Боге иногда более очевидна, чем в многоотомных богословских сочинениях. В этом состоит важное миссионерское значение новой книги, считает выступавший.

Когда о. Петр (Мещеринов) читал дневники Шмемана, у него было ощущение, «как будто пью чистую свежую воду — наконец-то, после многих книг». О. Александр точно формулирует многие важнейшие вопросы жизни Церкви, а иногда и помогает искать их решение. Так, о. Петр говорил о «развилке» современной церков-

ной жизни: с одной стороны, трудно и в большинстве случаев не получается создать церковную общину (возможно, это следствие социальной разобщенности); с другой стороны — «индивидуальный аскетизм теряет силу как цель духовной жизни». О. Александр Шмеман ищет альтернативу, но не идеологическую, а «на личном уровне», и находит ее в «восприятии цельности жизни как дара Божия», «в выявлении Царства и непрестанной жизни со Христом», «в восприятии жизни как она есть — в культуре, в общении с разными — не только церковными — людьми». Надо учиться не «ходить в церковь», а жить в Церкви, созидать Церковь каждому христианину — это, по мнению о. Петра, может дать большие духовные плоды, чем сосредоточение на традиционных формах аскетизма и благочестия.

Проблема исповеди, столь часто поднимаемая на страницах дневников, сразу же стала одной из центральных тем дискуссии. О. Владимир Воробьев отметил, что «в наше время исповедь совершается так, как она никогда в истории не совершалась»: в ранней Церкви причащались часто, но исповедовались редко, в случае смертных грехов; когда же редким стало причастие, исповедь стала ему непременно предшествовать и тоже совершалась редко. В наше время, продолжил о. Владимир, «мы зовем людей к частому причащению, но освободиться от этой связи исповеди и причастия не можем». Священник видит выход в разделении «настоящего таинства покаяния» и некоего благословения на причастие в виде, например, разрешительной молитвы. Он убежден, что «совсем упразднить благословение на причастие, как это сделано сейчас на Западе, тоже неправильно, в особенности — для России, потому что бесконтрольный подход к чаше приведет к профанации евхаристии».

Тема исповеди задела за живое всех участников обсуждения. Так, о. Георгий Митрофанов считает, что в силу сложившейся практики «исповедующиеся часто имитируют исповедь, а исповедующие — имитируют духовничество». Однако при отсутствии частной исповеди общая может сделаться «суррогатной». По опыту о. Александра Степанова, частная исповедь часто смешивается, а иногда и подменяется индивидуальной пастырской беседой, в которой так нуждаются прихожане, но не имеют для этого специальной возможности.

Эти проблемы, так же как и отсутствие сложившегося института духовников — проявление «неудачного исторического развития» нашей Церкви, которое стало результатом гонений, считает о. Владимир. Однако он видит признаки «выздоровления» Церкви и подчеркивает, что этот процесс «не может быть быстрым, главное — не надо замалчивать проблемы, надо о них говорить, обсуждать».

Из многих тем, поднятых в «Дневниках», участники дискуссии сосредоточились на теме почитания новомучеников. О. Георгий с сожалением заметил, что исполняются слова о. Александра Шмемана, который еще в 1977 г. предчувствовал, что постижение Церковью своей трагической истории, подвига новомучеников вряд ли может что-либо изменить в ее самосознании. Опыт преподавания в Санкт-Петербургских духовных школах подтверждает для о. Георгия «невысказанность» темы новомучеников в среде будущих священнослужителей. Участники обсуждения согласились, что необходимо «оживить» литургическое почитание подвигов новомучеников, избежать опасности «массовой идеализации советского прошлого в обществе и Церкви» (о. Петр). По мнению о. Владимира, почитание новомучеников можно расценивать как «один из тестов на духовную зрелость Церкви», и, хотя «инерция прошлого» велика, есть основания для оптимизма: почитание новомучеников постепенно становится литургичным, считает ректор ПСТГУ.

Участники высказали и некоторую озабоченность судьбой книги в России. «Не запишут ли «Дневники» в корпус либеральных манифестов?» — обратился к собравшимся Сергей Чапнин. О. Георгий считает, что эта книга, будучи дневником, не станет «катехизисом», базой какого-нибудь шмеманианства» (выступавший припомнил, как сам о. Александр с иронией пишет о том, что руководимому им Свято-Владимирскую семинарию называли «шмеманария»).

Нетрудно предположить, что «Дневники» вызовут критику и справа, и слева, но главное опасение о. Георгия — эта книга «не должна стать знаменем церковно-общественной группы, которая без всяких на то оснований будет объявлять Шмемана своим духовным наставником». Тогда «другие группы будут отбрасывать все ценное содержание этого дневника на том основании, что кто-то присвоил себе эту монополию». О. Георгий предлагает рассматривать книгу как своеобразное «завещание», оставленное Шмеманом Церкви, суть которого — в «призыве думать, не строить иллюзий, творить церковную жизнь, не пытаясь сохранить какие-то отжившие формы, а веря в неизбывное ее содержание, которое дается от Бога во всей полноте». О. Александр Степанов предостерег от опасности «вычитать из дневника протестантский пафос», опираясь на мысли Шмемана о «возврате к раннехристианской чистоте».

Подводя итоги, участники отметили, что некоторые проблемы, поднятые в дневниках, были лишь затронуты, они нуждаются в более глубоком осмыслении и в дальнейшем обсуждении в более широких церковно-общественных кругах.

ПРАВИТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПРИНЯЛО ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ УСТАНОВКЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

Правительство Санкт-Петербурга приняло постановление об установке мемориальной доски матери Марии (Скобцовой). Об увековечении ее памяти ходатайствовало христианско-благотворительное общество «Благодеяние».

По заказу этой организации доску разрешено установить на фасаде дома 2 в Манежном переулке. Здесь прошли юношеские годы матери Марии, связанные с первым периодом ее творчества. Здание в центре Санкт-Петербурга хорошо сохранилось.

Утвержден следующий текст: «В этом доме в 1912-1915 годах жила поэтесса, богослов, подвижница мать Мария (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева)». Фамилия выбрана по первому замужеству будущей монахини.

Мать Мария родилась в 1891 году в Риге. Она стала первой женщиной, окончившей петербургскую Духовную академию. После революции эмигрировала в Париж. В 1932 году пострижена в монашество. Участница Русского студенческого христианского движения (РСХД), основательница организации помощи русским эмигрантам. В 1943 году арестована за работу в движении Сопротивления. Приняла мученическую смерть 30 (или 31) марта 1945 года в концлагере Равенсбрюк.

В феврале 2004 года мать Мария и четверо других подвижников русского зарубежья причислены к лику святых Константинопольской Православной Церковью.

В КИЕВЕ ВЫШЕЛ СЛОВАРЬ СУРДОПЕРЕВОДА ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Теперь люди с недостатками слуха смогут свободно понимать православное богослужение.

Издательству «Глас» удалось объединить практический опыт сурдоперевода в православных храмах России и Украины. В новом пособии представлено около 600 жестов, озвученных на украинском и русском языках, с титрами. Каждое слово сопровождается пояснением лексического значения. Здесь есть также два варианта сурдоперевода молитв: синхронный и адаптированный, фрагменты Божественной литургии с сурдопереводом.

Словарь содержит рекомендации, как сделать более эффективным сурдоперевод богослужения.

Используя представленный словарь, сурдопереводчики смогут помочь верующим с недостатками слуха «услышать» текст богослужения, а также более активно содействовать социальной реабилитации этих людей в храме и облегчению их сосуществования с другими православными верующими.

Авторы пособия не ставили перед собой цели унифицировать жесты, а предложили несколько возможных их вариантов. За сурдопереводчиками остается право самим избирать вид демонстрации того или иного слова.

С помощью словаря можно будет подобрать жесты, которые помогут правильно понять православную лексику.

Словарь издан на VHS-, CD-, DVD-носителях.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ ПРОШЛА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

28-29 марта в помещении философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета прошла конференция «Религиоведение как междисциплинарная наука»

Среди учредителей — кафедры религиоведения философских факультетов МГУ и СПбГУ, Центр по изучению истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН, журнал «Религиоведение», некоторые музеи.

Заведущий кафедрой религиоведения МГУ, профессор И.Н. Яблоков в своём докладе привёл некоторые статистические данные о развитии религиоведческого образования в России. В нашей стране сегодня действуют 24 выпускающих кафедры религиоведения, ими уже подготовлено 458 дипломированных религиоведов, большинство из которых в Москве и Санкт-Петербурге, по сведениям И.Н. Яблокова, работают по специальности.

На конференции было объявлено об учреждении на заседании УМС по религиоведению УМО по классическому университетскому образованию Сообщества преподавателей религиоведения. Его сопредседателями стали — зав. кафедрой религиоведения философского факультета МГУ, д.ф.н проф. И.Н. Яблоков, зав. кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ, д.ф.н. проф. М.М. Шахнович и зав. кафедрой религиоведения Амурского государственного университета, д.ф.н. проф. А.П. Забияко. Ученым секретарем избран П.Н. Костылев. В качестве реакции зала на принятое Положение о Сообществе раздалось даже такое радикальное предложение как включить в него формулировку «не принимать ни одного государственного решения по вопросам религии без экспертной оценки», что вызвало у одних аплодисменты, у других улыбку.

На конференции работали 7 секций и 3 круглых

стола, позволившие говорить о религиоведении как междисциплинарном пространстве, в котором сотрудничают история религии, философия религии, социология, антропология, психология и феноменология религии. Многие доклады были посвящены проблемам герменевтики, лингвистики и семиотики в изучении религиозных текстов, при этом вопрос, что же собственно считать религиозным текстом, так и остался открытым.

Санкт-Петербургское издательство «Питер» представило первые четыре книги из новой серии по истории мировых религий и учебник по религиоведению М.М. Шахнович, написанный как раз в соответствии с междисциплинарным подходом, который разделяется не всеми религиоведами.

Среди молодого поколения религиоведов, можно было выделить как тех, кто не скрывал своей конфессиональной либо атеистической принадлежности и значит своей ангажированности в заявленной тематике, так и тех, кто пытался сохранить свою научную объективность и личную «незаинтересованность». Тематика сообщений поражала своей разноплановостью и свидетельствовала о том, что отечественное религиоведение пока еще находится в самом начале становления. Явно не выработался общий профессиональный язык, объект изучения не определен, да и собравшееся на конференцию «религиоведческое сообщество» не производило впечатление чего-то единого.

Питерские религиоведы старались быть политкорректными. Так профессор М. М. Шахнович в своем докладе сказала, что не любит термин «секта». Она провела различие между научным, с одной стороны, и бытовым или близким к нему конфессиональным — с другой, значением этого термина. В первом случае, это слово означает некий «идеальный тип — характеризующий первый этап развития любой религиозной организации», а в двух других — «иных,

других, не таких как мы», поэтому что-то враждебное. По мнению докладчика, религиоведение несет определенный «гуманистический заряд», что делает его «фактором толерантности и противодействия экстремизму».

В работе конференции приняли участие представители Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ). Преподаватели факультета религиоведения СФИ выступили с двумя докладами: «Антропологическая перспектива современного религиоведения» (к.фил.н. Д.М. Гззян) и «Герменевтика и религиоведение: альтернатива в интерпретации свидетельства» (к.ф.н. Г.Б. Гутнер). Г.Б. Гутнер также был координатором секции «Проблемы изучения и герменевтики священных текстов». В основу предложенного в этих докладах подхода изучения религии был положен тезис о том, что объективированное изучение религиозного поведения больших групп верующих, являющихся, как правило, пример массовой бытовой религиозности, не позволяет увидеть в ней формы экзистенциального опыта человека. Вопрос о существовании веры и ее субъекте приобретает для современного религиоведения особую остроту, т.к. с одной стороны, налицо растущая нужда в понимании природы названного феномена, а с другой — отсутствие надежных методологических принципов, позволяющих говорить о его реальном, а не только привычном дескриптивном представлении. Решение обозначенной проблемы следует искать в развитии взаимодействия религиоведения с философской герменевтикой, этикой и антропологией. Однако это, в свою очередь, вряд ли может быть реализовано, если религиоведение будет продолжать восприниматься как сугубо эмпирическая наука, в которой отсутствует сама задача погружения в изучаемый ею специфический человеческий опыт.

ПУТЬ К ОБЩЕМУ ЯЗЫКУ

Доклад Г.Б. Гутнера «Герменевтика и религиоведение: альтернатива в интерпретации свидетельства»

В предлагаемом сообщении мне хотелось бы рассмотреть специфику религиоведения, вытекающую из двух очевидных обстоятельств. Во-первых, из того, что эта исследовательская область является сугубо гуманитарной, т.е. сосредоточенной на понимании человеческой деятельности. Во-вторых, из

Страшный суд: избранные. Собор в Бамберге.1230

того, что религиоведение призвано к пониманию особенной области человеческой деятельности, а именно той, которая определена отношением человека к священному, т.е. с опытом трансцендентного. При этом я бы хотел учесть, что религиоведение — плод западной культуры последних полутора столетий, т.е. того времени, когда европейское сознание стало вполне секулярным. Именно секулярность открыла особый горизонт в понимании религии. Религиоведение как будто изначально предполагает взгляд извне, его дискурс сам по себе не религиозен. Это обстоятельство амбивалентно. С одной стороны, подобный взгляд, претендуя на объективность, открывает возможность для взвешенных и трезвых оценок религиозной жизни. Однако с другой стороны, объективное внешнее исследование всегда рискует упустить слишком много, сохраняя при этом (и здесь, на мой взгляд, главная трудность) видимость полноты и убедительности.

Именно поэтому я начну с замечаний о специфике гуманитарного знания и его объективности. Установка на объективность неизбежна в любом исследовании. Ученый, так или иначе, должен обозначить свой предмет, т.е. выделить его как некий внешний объект и пытаться незаинтересованно описать и объяснить его. Однако объективность имеет естественное ограничение, которое не следует игнорировать. Прежде всего, я опишу характер этого ограничения и попробую показать, что платой за пренебрежение им может оказаться существенно искаженное понимание.

Гуманитарные науки могут весьма успешно подражать наукам естественным. Они могут предлагать объясняющие гипотезы социальных явлений, строить теоретические модели, даже делать (иногда успешные) прогнозы. Есть, однако, одна особенность гуманитарного исследования, которая принципиально отличает его от естественнонаучного и не может быть устранена никакой видимой объективацией.

Дело в том, что в гуманитарном знании отсутствует наблюдение. Исходной информацией для ученого-гуманитария являются письменные источники или устные высказывания. Иными словами, исследователь всегда должен опираться на те свидетельства, которые предоставляют ему другие люди. Поэтому всякое гуманитарное знание включает герменевтику. Какой степени объективации ни пытались бы добиться исследователи, все равно в основании их познавательной деятельности будет лежать понимание одним человеком другого. Исследователь и его предмет, хотя бы в некоторых аспектах, оказываются равноправны. В известный момент их отношения не являются отношением субъекта к объекту, а скорее напоминают разговор равных собеседников. Однако этот герменевтический элемент может быть сведен к минимуму или вовсе устранен из научной практики гуманитария. Ниже я постараюсь показать, какого рода искажения это может вызвать.

Прежде всего, выясним, в чем проявляется упомянутое равенство. Для этого заметим, что объективность исследования предполагает бессловесность объекта. Языком обладает субъект, который создает описание объекта, специфицируя его сообразно собственным языковым категориям. Язык выступает исходным условием исследовательской деятельности, а потому формируемое в ходе исследования представление об объекте строго соответствует языковым формам исследователя. Можно спорить об адекватности языка описания и менять языковые формы на более релевантные. Однако в любом случае языковая способность предполагается лишь у субъекта исследования. Что, в таком случае, означает объективность гуманитарного знания, когда предметом изучения становится человек и его социальная, в том числе (и даже, прежде всего) языковая деятельность? Презумпция бессловесности объекта здесь, тем не менее, сохраняется. Достигается это за счет различения метаязыка и языка-

объекта. Именно первый присущ исследователю, но не доступен предмету исследования. В нормальном случае ученый-гуманитарий должен осознанно пользоваться обоими языками, варьируя понимание и объяснение, герменевтику и объективное знание.

Разберем теперь некоторые важные черты герменевтической составляющей гуманитарного знания. Интерпретация свидетельства осуществляется в рамках процедуры, известной как герменевтический круг. Традиционное представление о последнем связано с диалектикой части и целого, возникающей при попытке понимания текста. Существо процедуры определяется тем, что возникающее каждый раз понимание корректируется в результате интерпретации очередного фрагмента текста: текущее понимание целого служит основанием для понимания части, но и само меняется в результате понимания. Эта процедура относится не только к пониманию текста. Всякое понимание (например, понимание друг друга участниками разговора или понимание социологом смысла ответов участников опроса) связано с исправлением ранее существовавшего представления, неточной или вовсе ложной интерпретации, которая, тем не менее, необходима, как исходная точка герменевтической процедуры. Нет смысла подробно проговаривать эти обстоятельства, поскольку все сказанное известно со времен Шлейермахера. Подчеркнем, однако, одну особенность исходной позиции интерпретатора, того начального представления, которое в герменевтике обозначается термином «предпонимание». Дело в том, что оно всегда сформулировано на метаязыке. Начальный момент понимания — это ситуация, когда само понимание еще не возникло, но лишь зафиксирован исходный интерес интерпретатора к предмету. Такая фиксация предполагает объективацию. Язык понимаемого субъекта еще не известен, разговор еще не начался.

Сказанное означает, что гуманитарное исследование предполагает путь к пониманию, сопряженный с поиском общего языка. При этом дело отнюдь не сводится к тому, чтобы выучить какой-либо древний или экзотический язык. Даже в рамках одного национального языка может существенно различаться метаязык исследователя и язык исследуемого сообщества. Например, метаязык религиозоведения иной, нежели языки религиозных сообществ. Отличается не только лексика или грамматика, но и онтология: носители разных языков ориентируются на различные картины мира. Ситуация оказывается довольно сложной. Интерпретатор не может полностью перейти на язык интерпретируемых свидетельств, поскольку тогда он потеряет собственную идентичность. Но он не может вообще не говорить на этом языке — из-за риска прийти к существенно искаженному пониманию.

Теперь мы можем сформулировать основной тезис этого сообщения: понимание возможно только благодаря рефлексии по отношению к предпониманию, т.е. к выраженному на метаязыке исходному представлению о предмете. Последнее не должно быть несознаваемой предпосылкой интерпретатора, выполняющей функцию неизменной интерпретационной схемы. Путь к общему языку возможен лишь тогда, когда интерпретатор осознает свои исходные предсылки и готов менять их в ходе интерпретации. Замечу, что речь идет не о текучести исследовательских или мировоззренческих установок, а именно об изменении отношения к предмету исследования. Последний, прежде всего, должен быть не только предметом, но также и собеседником.

Рефлексия, о которой мы только что упомянули, должна обеспечивать возможность осознанной коррекции предпонимания. Иными словами, рефлексивная позиция всегда предполагает существование альтернативы, допущение возможности иного языка, иной картины мира. Опираясь в своих интерпретирующих усилиях на некоторое исходное представление, интерпретатор должен сознавать возможность иного представления. Отсутствие рефлексии влечет полную объективацию, поскольку закрепляет несознаваемый пласт предпонимания. Не допускающий альтернативы схематизм метаязыка полностью завладевает исследователем, который оказывается обречен описывать предмет в терминах своих не проясненных предпосылок, пытаться ввести его в заранее заданную форму.

Во второй части сообщения я коснусь некоторых предпосылок религиозоведения, которые остаются по преимуществу нерелексифицируемыми, т.е. сами собой разумеющимися. Выше я уже упомянул о секулярном характере религиозоведения. Рискну подробнее описать те установки, которые лежат в основании исследования религии и, по-видимому, далеко не всегда осознаются. Понятно, что, изучая религию как предмет, исследователь смотрит на нее извне. Однако этот внешний взгляд чаще всего фиксирует культурные, социальные, языковые, психологические аспекты религиозной жизни. Но именно эти аспекты отнюдь не являются самым существен-

ным для религиозного человека. Возникает интересный эффект. Образ религии, возникающий в религиозоведческом дискурсе, кардинально отличен от образа религии, который формируется в самой религиозной традиции. Подспудная тенденция науки о религии состоит в сведении «существа религиозности» к культурным, социальным, языковым или психическим феноменам. Такое сведение и означает понимание. Всякое свидетельство религиозного человека о своей жизни неизбежно интерпретируется в перспективе указанной редукции. Я думаю, что основанием для такой установки является ставшее уже привычным (и уже почти никогда не формулируемым явно) представление о религии, сложившееся в XIX веке, благодаря работам Фейербаха, Маркса и Ницше. Эти авторы открыли примечательный феномен — проекцию скрытых, но предельно значимых обстоятельств человеческой жизни в трансцендентную сферу. Сама эта сфера — лишь повторение человека, своего рода иллюзия, дающая потустороннюю легитимацию человеческим установлениям или жизненным интересам. Поэтому религия оказывается весьма эффективным способом решения человеческих задач. Поняту так религию естественно рассматривать как факт культуры, как психический или социальный феномен. Наиболее адекватное исследование религии в таком случае будет представлять собой нечто вроде критики идеологии по Марксу: всякое проявление религиозности следует рассматривать как замаскированное проявление чисто человеческих устремлений. Несомненный исследовательский интерес может состоять в том, что благодаря религии можно раскрыть очень значимый, но малозаметный пласт человеческой жизни.

Я не хочу сейчас обсуждать, ложна или истинна эта констатация. Гораздо важнее, что она не является предметом рефлексии. Судя по всему, она, напротив, превратилась в убеждение секуляризованного общества. Именно это убеждение образно представлено Ницше как «смерть Бога». Едва ли есть смысл отрицать, что взятое в качестве предпонимания, оно оказывается эвристически продуктивным для исследования религии. Но все же следует иметь в виду альтернативное предпонимание. В противном случае (который легко наблюдать) всякое свидетельство религиозного человека о своей жизни интерпретируется как иллюзия, а религиозные сообщества волей не волей оказываются своего рода заповедниками, сохраняемыми из соображений толерантности или во избежание нежелательных эксцессов. Действуя в рамках несознаваемых и, следовательно, безальтернативных интерпретационных схем, секулярное общество просто не знает, как еще можно позиционировать себя по отношению к религиозным сообществам. Однако складывается впечатление, что именно такой подход оказывается непродуктивен, причем не только эпистемологически, но также и в рамках социальной практики.

Дело в том, что подход, принятый без рефлексии при изучении религии, легко транслируется в сферу социальных отношений. Секулярный язык, принятый в качестве единственно возможного, превращается в своего рода «официальный язык» цивилизованного общества. В рамках этого языка (и соответствующей ему онтологии) религия может быть лишь объектом. Религиозный человек, чтобы быть полноправным членом общества, должен безоговорочно принять секулярный язык и, следовательно, неявно согласиться с чуждой ему картиной мира.¹

Религиозные сообщества или институты, как правило, находят три варианта ответа. Первый — привычный и безопасный — состоит в создании своего рода гетто. Религиозный дискурс рассматривается как допустимый лишь внутри замкнутого сообщества, тогда как при общении с остальным миром религиозный человек обязан принять секулярный язык, а вместе с ним определенную картину мира и образ мыслей. Кажется, к такому варианту пришли западные христиане, активно поощряемые в этом своими неверующими согражданами. Второй вариант значительно опаснее — он состоит в агрессивном намерении противодействовать навязыванию чуждого языка всеми доступными средствами. В последнее время, как мы видим, в качестве такого средства избирается террор. Наконец третий вариант — также достаточно агрессивный — предполагает намерение навязать свой язык и образ мыслей всему обществу или, по возможности, большей его части. В этой ситуации естественной стратегией является превращение религии в государственную или национальную идеологию.

Очевидно, что все названные варианты — не должные. Однако именно они, кажется, исчерпывают все способы позиционирования религиозных сообществ. Рискну утверждать, все они тесно связаны с описанным выше дефицитом понимания и, соответственно, дефицитом рефлексии. Этот дефицит наблюдается с обеих сторон. Выше я говорил о безальтернативной секулярной установке, проявляю-

Страшный суд: осужденные, увлекаемые бесами в ад. Собор в Бамберге. 1230

щейся, в частности, в характере исследования религии и именно это обстоятельство провоцирует соответствующее поведение религиозных сообществ. Думаю, что в рамках религиозоведения возможно развитие собственно герменевтической установки, допускающей альтернативу тезису о «смерти Бога» (или религии, как «превращенной форме» в марксистской терминологии) в качестве основы интерпретации. Серьезное принятие такой альтернативы означало бы эпистемологический прорыв и открывало бы возможность для серьезного диалога между религиозными и секулярными сообществами. Впрочем, ответственность здесь обоюдная. Не решаясь говорить обо всех религиозных сообществах, я хотел бы сказать о нашей ответственности, т.е. об ответственности христиан.

Для христианства жизненно важно освободиться от тех установок, которые возникли в качестве реакции (по-видимому, чисто импульсивной) на секуляризацию. Вопрос в том, в какой мере христиане (как в рамках богословия, так и в церковной практике, прежде всего миссионерской) в состоянии осуществить рефлексии относительно названных установок. Я упомянул уже, что все три описанных выше типа поведения вызваны именно отсутствием рефлексии, причем, по-видимому, с обеих сторон. Христианам следует также допускать альтернативные подходы при оценке собственной традиции. Попробую объяснить, что это значит. Как ни странно это может показаться, но такой альтернативой должен выступить тезис о «смерти Бога» или, говоря менее образно, тот взгляд на религию, который был развит ее критиками. Все дело в том, что концепции Маркса и Ницше не есть ни злонамеренная ложь, ни заблуждение. Они суть весьма пронизательный анализ того состояния, в котором оказалась христианская культура. Проблема в том, что действительно значительная — и до сих пор непонятно какая — часть христианской традиции возникла именно так, как описали это ее критики, т.е. в результате перенесения человеческих ценностей в трансцендентную сферу. Когда христиане без всякой рефлексии воспроизводят традиционные установления, они оказываются заподозрены в том, что решают собственные проблемы, а не служат Богу. С другой стороны, мы чаще всего отвергаем любую критику, схематизируя ее в рамках конфессионального предпонимания, блокируя тем самым возможность диалога. Поэтому принятие тезиса о смерти бога в качестве допустимой альтернативы открывает для христиан возможность представить свидетельство о живом Боге. Последнее означает отказ от исторических стереотипов, разоблаченных атеистической критикой. Атеист жизненно важен христианину потому, что позволяет увидеть, какого бога действительно не существует и лучше узнать того Бога, в Которого он верит. В противном же случае мы будем лишь поставлять новый материал для светских религиозоведов, каждым своим действием подтверждая их исходные предположения.

¹ Более подробное рассмотрение этой ситуации можно найти у Хабермаса. См. Ю.Хабермас. Будущее человеческой природы. М. 2002

ЦЕРКОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ ТЕРРИТОРИЯХ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В Российской академии государственной службы выпускником СФИ защищена диссертация о Псковской миссии

Митрополит Сергей (Воскресенский)

К очередной годовщине великой Победы мы начинаем публикацию материалов о Великой Отечественной войне. Если о патриотической деятельности Русской православной церкви в ходе войны написано немало, то положение православной церкви на оккупированных немцами территориях по-прежнему изучено недостаточно.

16 марта 2006 года в Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации (РАГС) бакалавром богословия Свято-Филаретовского института (СФИ) Константином Петровичем Обозным была успешно защищена диссертация «Псковская Православная Миссия как фактор церковного возрождения на временно оккупированных территориях Северо-Запада России в 1941-1944 гг.» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (Научный руководитель работы — заведующая кафедрой религиоведения РАГС, заведующая кафедрой истории Церкви СФИ, доктор исторических наук, профессор О.Ю. Васильева, официальные оппоненты — доктор исторических наук, профессор М.И. Одинцов и преподаватель СФИ, кандидат исторических наук А.Л. Беглов)

Мы сердечно поздравляем нашего брата во Христе Константина с успешной защитой и предлагаем вниманию читателей написанную им небольшую заметку о Псковской православной миссии, представляющую основные положения его кандидатской диссертации.

Желающие могут ознакомиться с более подробным изложением проделанного К.П. Обозным исследования по истории Псковской Православной миссии в №№ 55 и 56 журнала «Православная община».

Период Великой Отечественной войны для нашей страны был и тяжелейшим испытанием, и временем преобразующим, собирающим духовные силы народа. Это было возможно во многом благодаря деятельности православной церкви, как на советской территории, так и в областях, оккупированных немецкими захватчиками. Русская православная церковь накануне войны находилась в бедственном положении. Казалось, считанные месяцы остались до

полного уничтожения легальной церковной структуры. К 1941 году в северо-западных областях СССР оставались действующими не более 10 православных храмов.

В первые месяцы войны не только жители Западной Украины и Прибалтики встречали немецкие войска как освободителей от советского режима. На Псковской земле и на селе, и среди городских жителей было немало тех, кто ожидал от новой оккупационной власти ослабления гнета, под которым находились граждане СССР более 20 лет. Во многом ожидания эти не были оправданы. Хотя для простых граждан так называемая «земельная реформа» (упразднение колхозной системы и наделение крестьян земельными участками) и религиозная толерантность немецких властей имели весьма важное значение.

Чем труднее складывались первые месяцы военной кампании для Красной армии и пропорционально тому росла паника руководства страны и военными силами, тем более ширилось и росло духовное движение среди народа, укреплялась позиция Русской православной церкви. Стихийный духовный всплеск на оккупированном Северо-Западе России был поддержан и направлен в русло церковного возрождения благодаря деятельности Псковской православной миссии. Ее главной задачей было восстановление разрушенной за годы советской власти церковной структуры и просвещения народа. Первые члены Миссии прибыли в Псков в августе 1941 года из Риги. Это произошло благодаря усилиям митрополита Сергея (Воскресенского) экзарха Прибалтики, который сумел убедить высших представителей немецкой оккупационной администрации в том, что эта акция полностью соответствует интересам новых властей.

Центр Православной миссии разместился в Пскове. Миссия служила на территории нескольких современных областей: Псковской, Ленинградской, Новгородской, Тверской.

Деятельность Миссии очень быстро достигла значительных результатов и была поддержана большинством местного населения. Это было обусловлено: духовной жадью в народе, незаурядными способностями тех, кто составлял ядро Миссии (среди них было немало тех, кто в 20-30-е годы был тесно связан с деятельностью РСХД в Латвии и Эстонии), и тем, что Псковская миссия весь период оккупации оставалась канонической частью Русской православной церкви Московской Патриархии.

Прежде всего, Псковская миссия начала с возрождения церковно-приходской системы. Миссионеры освящали и открывали храмы, совершали богослужения и церковные таинства. За все время своего служения на территории Миссии было открыто более 400 православных приходов (из них около 150 на Псковщине). Основным направлением деятельности Псковской православной миссии являлась именно миссионерская работа. За каждым богослужением священнослужители произносили проповеди, проводили внебогослужебные беседы просветительского характера, проводилась евангелизация или катехизация. На территории Миссии распространялся миссионерский журнал «Православный Христианин», по радио транслировались специальные миссионерские передачи, подготовленные членами Миссии. Особое внимание сотрудники уделяли просвещению детей и мо-

лодежи. В школах возрождалось религиозное образование в виде уроков Закона Божьего, которые, как правило, проводили священнослужители и миряне — члены Миссии.

Миссионеры-миряне организовывали литературные, евангельские кружки, занимались с подростками скаутской работой. При храмах также создавались церковные школы, детские сады, приюты для сирот. Другим важным направлением трудов Псковской миссии стала благотворительная работа, которая была направлена на поддержку лагерей советских военнопленных. Для них собирали продукты, теплую одежду, медикаменты. Порой членам Миссии удавалось проникнуть в лагеря военнопленных и лазареты, где находились больные и раненые красноармейцы, для того чтобы совершить богослужение и таинства, поддержать несчастных страдальцев словом и делом.

Одним из серьезных достижений можно считать деятельность Богословских курсов в Вильно, где подготавливались священники-миссионеры для служения на оккупированных русских территориях.

После прорыва блокады Ленинграда войсками Красной армии и активизации военных действий на северо-западном направлении немецкие оккупационные власти 19 февраля 1944 года объявили тотальную эвакуацию мирных жителей Пскова. Одновременно с этим прекратила свою деятельность и Православная миссия, однако плоды ее трудов имели благотворное влияние на церковную жизнь в северо-западных областях СССР и в послевоенный период.

Можно сказать, что за два с половиной года Псковская миссия достигла успешных результатов в своей работе. Была практически полностью восстановлена церковная структура (в виде приходов, объединенных в благочиннические округа), широко проводилась миссионерская и просветительская работа, которая охватывала значительную часть мирного населения оккупированных областей Северо-Запада России. При этом нужно помнить, в каких условиях проходило служение Псковской миссии: трудности транспортного и почтового сообщения, опасности военного времени, голод, болезни. Сотрудники Миссии находились под неусыпным контролем немецких спецслужб, а в районах, контролируемых партизанскими отрядами, православным священнослужителям приходилось считаться с требованиями этих представителей советской власти. Нередко отношение к

церкви и духовенству у партизан было негативное, так как служили миссионеры на территории занятой врагом, с разрешения оккупационной администрации, что зачастую являлось поводом к обвинению Псковской миссии в коллаборационизме. На самом же деле члены Миссии в своем подавляющем большинстве несмотря на все трудности и препятствия исполняли свое церковное дело, никак не связанное с политикой, или какими либо особыми заданиями нацистских спецслужб. Проявление внешней лояльности оккупационным властям со стороны священнослужителей было лишь условием для возможности легального служения и церковного возрождения. Повиновение властям, до тех пор пока оно не входит в противоречие с заповедями Божиими, исполнение законов страны, если они не ведут к апостасии, для христианской церкви было одной из сторон ее земного устройства. При этом для христиан государственная власть, которая, кстати, никогда не отождествлялась с Родиной, была лишь временным земным устройством. Поэтому, по большому счету было не важно, какому «кесарю» нужно было отдавать должное внешнее повиновение — советскому или нацистскому, ибо по словам Христа «Царство Мое не от мира сего». Главное было оставаться верным Богу и служить ближнему, который оказался голодным, больным, бездомным или в темнице. Именно в этом было предназначение Псковской миссии, и она его выполнила. Напоследок хотелось привести цитату из воспоминаний одного из членов Псковской православной миссии о. Георгия Бенигсена: «Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию. Несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства.

Мы уже давно видели надвигающийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы».¹

Константин ОБОЗНЫЙ, Псков

¹ Бенигсен Георгий, прот. Христос Победитель // Вестник РХД. 1993. № 168. с.138

ДЕТИ СОПРИКАСАЮТСЯ СО ВСЕМИ НАМИ, А НЕ ТОЛЬКО С ПЕДАГОГАМИ

Прошло больше полугода с Преображенской встречи 2005 года, когда начался серьезный разговор о месте детей и молодежи в нашем движении. Действительно, говоря о возрождении полноты церковной жизни, невозможно обойти вниманием и место

На Литургии. «Общее служение».

детей и молодежи в ней. До сих пор дети и молодежь были в лучшем случае при этой жизни, а вот предоставить им возможность стать участниками движения в ту меру, в какую они могут — так проблема раньше не осознавалась. Ситуация была такова, что дети, с одной стороны, мешали нам служить Богу; а, с другой стороны, те, кто занимался детьми, должны были как минимум раздваиваться: жизнь братства и общины шла параллельно жизни детской группы. И то, и другое было перекосом. Теперь же, наконец-то, мы можем соборно решать и эту проблему. Лично для меня это просто как струя чистого воздуха, которого очень не хватало, потому что это «запараллеливание» жизни действительно ощущалось как что-то не совсем правильное.

Поясню на внешне безобидном примере. На семейной молитве мы молимся с детьми о нашей взрослой группе и о нашей детской группе так, как будто это две разные жизни, как будто наша «взрослая» группа только для взрослых и там можно не учитывать детей, а в нашей «детской» группе мы решаем только детские проблемы. Но ведь и во «взрослой», и в «детской» группах мы решаем, по сути, ту же самую проблему — выстраивание своей взрослой христианской жизни! Только в детской группе дети берутся во внимание, а во «взрослой» как будто бы нет. Но, как раз поэтому, именно в «детской» группе «взрослые» проблемы (я говорю о лично своем опыте) выступают резче и больше поддаются разрешению. Это, мне думается, связано с тем, что во «взрослой» группе не всегда приходится так близко сталкиваться и обнажать свои немощи, есть больше возможностей «прикрывать» их умными словами. И тогда в идеале становится понятным, что не нужны разные группы для решения одних и тех же «взрослых» проблем, достаточно в одной группе, в одном братстве быть, по словам В. Котта, «осмысленно, осознанно верными нашему призванию», и тогда «Господь может помирить и нас, и наших детей».

Но пока это еще идеал. Пока состояние наших групп, общин и братств таково, что они не являются той средой, воздух которой растил бы наших детей, готовя их к возможности воцерковления. И все же Преображенский собор подвигнул нас к решению этой почти непосильной задачи. Мне кажется, это обсуждение сравнимо с тем временем, когда мы все читали, переживали, обсуждали, осмыслили книги о семье Мечевых и об о. Сергии (Савельеве). Мы честно пытались понять и прочувствовать, что же такое общинная жизнь. И, по-моему, какие-то основополагающие моменты мы приняли. Сейчас, мне кажется, нечто подобное должно произойти и в осмыслении нашей харизмы, и в том числе наших отношений с детьми. Понятно, что это дело не быстрое и не легкое, так как связано с переменой сознания. Братства должны осознать, что дети и молодежь не просто «в нагрузку», что они тоже члены наших братств, пусть и неполные, ответственность за которых не меньшая, чем за других братьев и сестер. Нужно только помнить, что они не взрослые, они другие, и нужно искать другие пути общения и точки соприкосновения, причем делать это соборно и на уровне братств, а не отдельных людей. Средой должны стать все мы, а не только руководители детских групп и заинтересованные родители, ведь дети соприкасаются со всеми нами, а не только с узким кругом людей, которые с ними занимаются и которые могут быть достаточной средой лишь до определенного возраста.

Если все же мы сможем дать возможность детям и молодежи стать участниками нашего движения, нашей общинно-братской жизни, то это обогатит и нас самих, просто продвинет нас на какую-то следующую ступень в нашем движении к полноте церковной христианской жизни.

Юлия ПЛАТАНОВА

ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ – ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА?

Тема эта очень острая. Мы часто слышим, что в нашей стране низкая рождаемость, превышающая смертность, что по статистике Россия в группе лидеров по количеству аборт. Несмотря на то, что за последние годы сильно изменилось общественное мнение, и все большее число людей считают недопустимым искусственное прерывание беременности без серьезных оснований, ситуация с абортами как у нас в стране, так и во всем мире остается очень тяжелой.

Как известно, все христиане требуют сохранения зародившейся человеческой жизни. Об этом свидетельствуют уже самые ранние христианские тексты, дошедшие до нас. В «Учении 12-ти апостолов», адресованном в основном к бывшим язычникам, обратившимся в христианство, сказано: «не убивай, не прелюбодействуй, не совершай деторастления, не блудодействуй, не кради, не волхлуй, не изговляй волшебных снадобий, **не убивай дитя погублением, и родившегося не умершвляй**, и не желай того, что принадлежит ближнему». Среди христиан разных конфессий, как правило, серьезных разногласий по вопросу отношения к этой проблеме нет. Все христиане сходятся во мнении, что искусственный аборт — это тяжкий, смертный грех.

По-иному ставится вопрос о возможности применения контрацептивов. Среди современных христиан здесь нет единого мнения. Например, есть люди, относящие себя к православной церкви, которые считают контрацепцию таким же злом, как аборт, поскольку она ведет к снижению рождаемости. Попробуем все-таки понять, насколько проблема планирования семьи и связанный с ней вопрос контрацепции относятся к сугубо демографическим. А может быть, ведется война против России? Появляются же статьи, вроде той, что так и называется: «Демографическая война против России», и речь в ней идет «о системе снижения рождаемости, активно внедряющейся в России под вывеской планирования семьи». Почему, казалось бы, интимный вопрос применения контрацептивов вызывает такую бурную полемику?

Как известно, на рождаемость влияют очень многие факторы: социальные условия, экологическая

обстановка, здоровье, культурный фон... Но главный фактор лежит гораздо глубже всех этих внешних причин и связан с мировоззрением человека. Творение жизни — это тайна, которая недоступна человеку, потому что целиком принадлежит Богу. И только самое сокровенное и непознанное, самое высокое творение, человек, призван к духовному соучастию в творении жизни. Зачатие человека — это тайна и таинство, невозможное без человека, и потому оно неразрывно связано с любовью и свободой. Да, человек свободен! Кто-то может воспринимать рождение исключительно биологически (хотя при этом ни один из нас не согласится, чтобы его считали биомассой), материалистически и даже утилитарно («будет кому стакан воды подать»). Кто-то сводит вопрос к «основному инстинкту» и делает его мерилем в вопросе рождения детей. Для кого-то родить ребенка так же важно, как посадить дерево или построить дом... Люди могут иметь множество причин для продолжения рода, как вполне житейских, так и более высоких и достойных. Кто-то и вовсе не будет задумываться о смысле прихода нового человека в мир. Христианское же отношение к детям и их появлению на свет было похожем на языческое с самого начала. Этим христиане сразу стали резко отличаться от окружающих их народов. Например, в апологетическом «Послании к Диогнету» так говорится о христианах: «Они вступают в брак, как и все, рождая детей, только не бросают их».

Чадородие, тем более многодетность, — это дар Божий, призвание и благословение на особое служение. Сознательная многодетность возможна только в свободе от диктата воли других людей, даже облеченных саном, от государственных интересов, от стремления улучшить демографические показатели в стране. Конечно, с вопросом планирования семьи связаны очень многие проблемы, которые невозможно здесь даже перечислить и которые требуют самого серьезного изучения.

Если читателям данная тема кажется жизненной, актуальной или противоречивой, этим письмом в редакцию «Кифы» я предлагаю начать обсуждение проблемы планирования семьи.

Валерия ВОЛКОВА

СПРАВКА

В России ежегодно делается 1,6-1,7 миллионов абортов. Об этом 5 апреля 2006 г. в Госдуме сообщил министр здравоохранения и социального развития РФ Михаил Зурабов. Отвечая на вопрос о детской смертности и сложной ситуации с абортами в РФ, Зурабов отметил, что несколько лет назад эти цифры были гораздо выше — 2,4-2,5 миллионов абортов в год.

По мнению министра, изменить ситуацию в лучшую сторону поможет программа «Родовой сертификат», реализуемая в 2006-2007 годах в рамках национального проекта «Здоровье». Согласно программе, будущая мама может получить сертификат, по которому ее примут в женской консультации, будут наблюдать за ней, а затем ее примет выбранный ею роддом, на счет которого будут перечислены из федерального бюджета определенные средства.

Отметим, количество абортов в России — одно из рекордных: около 70% беременностей прерывается. В 2004 году в России число абортов превысило число родов: было зарегистрировано 1,6 млн. абортов и 1,5 млн. рождений, утверждает руководитель Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии РАМН, главный акушер-гинеколог России Владимир Кулаков. По неофициальным же данным, ежегодно аборты убивают в России до 6 млн. детей.

От 10 до 15% абортов дают различные осложнения, 7-8% женщин после них становятся бесплодными. По данным главного акушера-гинеколога страны, 10 миллионов граждан России бесплодны. Число бесплодных россиян ежегодно увеличивается на 200-250 тысяч человек. Сейчас в России 78 миллионов женского населения. Из них репродуктивного возраста, то есть от 15 до 49 лет, — 39,1 миллиона, среди которых бесплодных — 6 миллионов. Среди мужчин репродуктивного возраста бесплодием страдают 4 млн. человек. «То есть 15% семейных пар страдают бесплодием. Это критический уровень», — отметил Кулаков.

ПРАВОСЛАВИЕ В АФРИКЕ

Продолжение. Начало на сс. 1-2

150 педагогов дошкольного образования. Колледж включает в себя православную 6-летнюю школу, которую, в основном, посещают беднейшие, сироты, СПИД и ВИЧ-инфицированные, которые не платят за обучение. Наша спонсорская программа позволила тысячам детей получить среднее образование и приступить к высшему. Колледж взимает плату, но она значительно ниже, чем в других колледжах и высших учебных заведениях. Мы пожинаем хорошие плоды оттого, что вкладывались в детей; они, как члены церкви и общества заняты в различных сферах деятельности: учителя, врачи, адвокаты, фермеры, механики, плотники и т.д. В противном случае, в большинстве своем они остались бы лишь полуграмотными.

Заметно налаживается духовная жизнь. К сожалению, у нас нет монастырей, хотя к нам приезжают монахини и монахи. Среди нас есть духовные отцы, но не такие, как свв. Серафим Саровский, Леонид Оптинский, Иоанн Кронштадтский, Сергей Радонежский. Нам не хватает влияния святых монастырей, подобных Афонским и Валаамскому. Мы молимся о послании нам духовных старцев, которые бы руководили духовной жизнью нашего монашества.

Мы очень благодарны всем, кто помогал нам, и молимся о том, чтобы Русская православная церковь приняла участие в осуществлении нашей миссии в той или иной форме: доброй волей или финансированием, но, главное, молитвой. Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, подобны вашим, но в то же время весьма отличаются с точки зрения географии, климата и инфраструктуры. Транспорт и коммуникации, к примеру, всегда были проблемой. Это дорого, и в некоторых местах в лучших случаях находится лишь на самом низком уровне. У нас не достаточно средств, чтобы обеспечивать частые межобщинные встречи на семинарах и других мероприятиях.

Наши православные братья и сестры в России делят с нами Единую Святую Соборную и Апостольскую Чашу. Мы объединены Телом и Кровью нашего Господа. Это чудесный дар, и мы надеемся, что наши связи будут только расширяться. Мы можем просить о многом, но с тем, чтобы даритель делал это по силам и с чистым сердцем. Да благословит Господь всех православных христиан в России и в Африке.

Мы искренне благодарны Его Блаженству Федору II, папе и патриарху Александрийскому и всей Африке, как нашему первому духовному отцу и иерарху, за постоянное духовное руководство, за вдохновение и поддержку нашей миссии. Мы также благодарны частным лицам и организациям в Греции, Америке, Финляндии и на Кипре, которые щедро поддерживают православную миссию в Африке.

Перевод с английского Игоря ФЕДЕНКО и Анны ЛЕПЕХИНОЙ

Редакция благодарит Генерального секретаря Всемирного братства православной молодежи «Синдесмос» Ольгу Олейник за помощь в подготовке материала

НЕ ДЕЛАТЬ НИЧЕГО – ЭТО ТОЖЕ
В НЕКОТОРОМ РОДЕ ВОЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Интервью Владимира Ковальджи

Владимир КОВАЛЬДЖИ – церковный регент и композитор, отв. секретарь радиостанции «Христианский церковно-общественный канал».

В печати (электронная версия газеты «Православная Таврия», газета «Кифа» №5 (43) 2006 г.) появились сообщения о том, что в кафедральном соборе г. Херсона архиепископ служит литургию с чтением молитв анафоры вслух по-русски. Насколько известно, это первый случай в русской церкви. Как Вы оцениваете этот факт?

Владимир Ковальджи: Безусловно, положительно. Впрочем, мне нечего добавить к тому, что уже сказал в недавнем интервью Вам по этому поводу сам владыка Ионафан (Елецких), — это реальная потребность церковного народа, навстречу которой он и идет.

Как Вы относитесь к практике «миссионерских литургий», которые практикуются сейчас в нескольких епархиях РПЦ, когда в миссионерских целях допускается служение с открытыми царскими вратами, Писание может читаться по-русски лицом к народу, допускаются русские переводы молитвословий?

Владимир Ковальджи: Столь же несомненно положительно. Более того, первая часть Литургии («Литургия оглашенных») просто по определению всегда является «миссионерской»! Т.е., отчасти «миссионерским» должно быть любое богослужение (за вычетом участия «верных» в таинствах), а не только какие-то «специальные».

Знакомы ли Вы с переводами владыки Ионафана, с какими-либо другими переводами? Какого Вы о них мнения?

Владимир Ковальджи: Конечно, знаком. Недавно опубликованные архиеп. Ионафаном сразу три полных варианта перевода Великого канона — это, по моему, лучшее, что есть в этой области (я имею в виду прежде всего первые два варианта — «славянизированный» и «русифицированный»; третий, «ритмизированный», мне кажется неорганичным для нашей церковной традиции, как и известный опыт митр. Сергия (Страгородского), составившего «эксаметрический» канон Боголюбской иконе).

Если говорить о каноне св. Андрея Критского, то переводы и переложения, с которыми мне до сих пор приходилось знакомиться, были совершенно неудовлетворительны. Например, переложение Якова Кротова совершенно бессистемно (многие неудобопонятные славянизмы почему-то оставляются, а вполне ясные конструкции, напротив, переводятся и т.п.). В сети можно найти и сравнительно адекватные переложения (Анны Виноградовой, например), но читать их в богослужебной манере весьма затруднительно. Поэтому я недавно сделал свою редакцию Великого канона для чтения вслух (переводом ее назвать нельзя, потому что я не владею языком оригинала и пользовался только славяно-русскими текстами, а многие строчки просто брал из перевода Виноградовой и других). Конечно, моя работа тоже очень несовершенна (и совсем не «научна»), а лишь немного добавила в плане «чтецкой органики».

Теперь же имеется очевидным образом наилучший на сегодня вариант (даже два) владыки Ионафана, первый из которых («славянизированный») совершенно спокойно (и, скажем так, практически «безопасно»...) вписывается в контекст прочих традиционных богослужебных церковно-славянских текстов, повышая, однако, во много раз «коэффициент понятности». Это очень важно — ведь надо учитывать и реальную ситуацию (как среди значительной части церковного народа и духовенства, так и со стороны высшей церковной администрации).

Но и труд архиеп. Ионафана, несомненно, требует еще серьезной и тщательной «шлифовки». Дело

даже не в отдельных улучшениях, исправлениях неудачных мест и проч., а в отсутствии пока что стройной и четкой концепции, позволяющей начаться процессу глобального перевода богослужебных текстов. Великий канон — он великий, конечно; но это же капля в море по сравнению с длинной полкой толстых томов Минеи, Октоиха, Триодей... Для всего этого гигантского корпуса текстов нужен не один талантливый переводчик, а четкие принципы, правила и образцы, по которым будет вестись работа многими. А таким «образцом» данные переводы еще не являются, это еще «поиск». Между двумя вариантами можно успешно сделать, например, и некий промежуточный. И не один...

В связи с этим — какова должна быть, на Ваш взгляд, концептуальная основа перевода (что должно быть сохранено, что выделяется как главное и т.д.)?

Владимир Ковальджи: Вопрос о концептуальной основе всесторонне обсуждался еще сто лет назад в процессе предсоборных дискуссий (в наше время все тогдашние доводы и позиции только повторяются). Очень хороший и лаконичный обзор вопроса дал Андрей Десницкий (статью можно прочитать по адресу <http://www.kiev-orthodox.org/site/worship/1120/>). Мое мнение неизбежно будет очередным повтором. Да мне и сформулировать его очень нелегко, потому что сам я уже много лет постоянно и тесно общаюсь с церковными текстами, но надо уметь адекватно понимать потребности самого широкого круга верующих, а не клиросных «спевцов». На это нужна немалая пастырская мудрость. Поэтому не буду высказываться о том, где ли нужно сохранять звательный падеж и о прочих моментах возможной концептуальной основы перевода, а скажу лишь, что она — эта ясная основа — остро необходима.

Добавлю только, что, естественно, надо понимать (и сохранять) принципиальное различие (как оно и есть в греческих источниках) между языком и «штилем» Евангелия и песнопений. Впрочем, это достаточно очевидно (хотя в церковно-славянском изводе этой разницы почти не чувствуется на слух).

Какая форма обсуждения вариантов перевода богослужебных текстов, по Вашему мнению, является наиболее адекватной?

Владимир Ковальджи: В широком смысле — никакая. Концепция должна не обсуждаться в сотый раз, а иметься в наличии. Идеальной и устраивающей абсолютно всех она не может быть в принципе! Поэтому она просто должна быть.

Это дело священноначалия. Все мыслимые варианты и доводы давным-давно известны. Разнообразные наработки имеются. Сама по себе проблема созрела и перезрела тоже давным-давно. Дальше дело уже не за «церковной общественностью» (которая сейчас чрезвычайно разделена по разным признакам, и поэтому дискуссии могут идти бесконечно и по замкнутому кругу), а за волевыми решениями сверху. Авторитетные иерархи (тот же архиеп. Ионафан) и ученые, которым можно поручить выработку общих принципов «церковно-русского» языка, есть. Вот они, в очень узком кругу и по конкретному поручению свыше, могут достаточно быстро и эффективно оформить необходимые правила и образцы, после чего под их общим наблюдением начинается конкретная работа. Только такую схему я считаю адекватной и ведущей к какому-то реальному практическому результату.

Правда, нынешняя позиция церковных верхов — не делать ничего — это тоже в некотором роде волевое решение. Возможно (не берусь судить), что и не самое худшее. В конце концов, «по исходе из Египта» прошло не сорок лет, а только пятнадцать...

Вопросы задавали Вероника ВОЛКОВА и Илья ПРАЛЬНИКОВ

Дорогие читатели!

Подписаться на газету «Кифа» можно в редакции.

Тел. для справок 8-916-114-67-37, e-mail o_alga@mail.ru

(Ольга Орлова)

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомыно (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; **в Санкт-Петербурге:** в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); **в Париже:** в магазине «YMCA-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-4822-50-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (495) 623-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1300 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.